

тие, обозначающее небольшой хутор при крупной деревне. Горные ручьи, стекающие с Парнаса по специально проложенным каналам, орошают поля и луга, покрытые свежей зеленью.

Отсюда путь ведет нас в горы, на Парнас, так что проехать здесь практически невозможно. Нас особенно поразило одно ущелье, по дну которого протекает ручей. Женщины стирали в нем белье. Дети чужеземной наружности, надо полагать — албанцы, с любопытством глядели на дорогу. Мы двинулись пешком по этой живописной глуши и, оглянувшись, бросили прощальный взгляд на далекий Акрополь и равнину Афин, а затем спустились с перевала вниз и направились к Парнасу. Здесь царило дикое горное уединение, словно на краю света. Дорогу нам то и дело переползали черепахи: они — коренные жители Аттики. Древняя Эгина чеканила на своих монетах изображение черепахи. Этих животных во множестве собирают на греческом побережье, и корабли доставляют этих существ в Бари, где их продают в гавани и где можно увидеть черепах самых разных видов. Во времена Павсания склоны Парнаса еще изобиловали дикими кабанами и медведями, а сегодня здесь нередко встречаются только дикие кошки.

Чазия, издали выглядящая черной каменной гаванью, возникла перед нами на равнине под сенью величественных горных вершин, к которым ведет перевал из Филе. Эта деревушка, новое название которой широко известно в Греции, — самая большая во всей Аттике. Ее немощеные улицы покрыты грязью, дома, стоящие прямо на земле, возведены из известняка. Внутренние дворы также немощеные, и на них, по здешнему обычаю, выходят все окна. На каждом шагу встречаются цистерны и широкие террасы. Ни единого знака стремления хоть как-то украсить свои жилища или домашний быт не видно в этом бедном селении. Увы, так убого и примитивно живут древнейшие обитатели Аттики, следы поселений которых встречаются еще в фундаментах скальных камер на афинских холмах.